

— СОЧИНЕНІЯ

ГРАФИНИ

Е. П. РОСТОПЧИНОЙ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

П Р О З А.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, д. 39).
1890.

ЧИНЫ И ДЕНЬГИ.

1.

Письмо Вадима Свирского къ его сестрѣ.

С.-Петербургъ, 14 Февраля 18 . . г.

Сестра! какая мысль родилась въ твоёмъ воображеніи? Откуда любопытство въ этомъ воображеніи всегда спокойномъ, безпристрастнымъ, холодномъ, какъ ледъ, покрывшій теперь мои окна?... Чего хочешь ты отъ меня? Ты хочешь, чтобы я разсказалъ тебѣ, и подробно и откровенно, все, что было со мною въ эти *четыре тысячи*, проведенные мною въ Москвѣ!

Но для чего же не просишь ты восторженнаго употребителя опиума, чтобы онъ повѣдалъ тебѣ о тысячѣ волшебныхъ приключеній, въ часы искусственнаго сна съ нимъ бывшихъ? Почему не требуешь ты, чтобы онъ передалъ тебѣ въ словахъ земныхъ, въ словахъ человѣческихъ тѣ радости, тѣ чувства, тѣ ощущенія вѣдъ предѣла бытія нашего, которыя посылаетъ ему упоительная сила употребляемаго имъ напитка?

Другъ мой! чары любви, какъ чары опиума—понятны только тѣмъ, кто испыталъ ихъ! Непосвященнымъ не дано проникнуть въ ихъ загадочную повѣсть, и голосъ страстей всегда останется дикимъ и чуждымъ для безстрастія. А ты—что можетъ быть невиннѣе и безгрѣшнѣе твоей души, тихо развившейся въ тѣсномъ мірѣ домашней жизни, въ уединеніи и молитвѣ? Горлица хочетъ извѣдать стихію саламандры. И какъ разсказать, и какъ описать мнѣ огненные порывы моего сердца, знойные дни моего счастья? Предпріятіе безумное! Языкъ человѣческій слишкомъ бѣденъ, слишкомъ ничтоженъ—не ему выражать богатства нашего сердца, и разсказы любви, какъ портретъ красавицы, вѣчно останется неудовлетворительнымъ, неполнымъ.

Видно впрочемъ, что ты не любила! Иначе, ты не говорила бы такъ просто: «*Хочу, мой Вадимъ, хочу знать, кто эта очаровательница, отнявшая у насъ лучшую часть твоего сердца и для которой такъ безсовѣстно укоротилъ ты свое пребываніе у насъ, свиданіе, вымоленное многотными желаніями стараго отца и бѣдной, одинокой твоей сестры? Опиши же мнѣ, идѣ и какъ ты съ ней познакомился, какъ вы сошлись, какъ обяснились, какія надежды теперь ты имѣешь—словомъ, все, да, все, что относится до поѣздки твоей въ Москву, что было съ тобою, ежедневно, ежеминутно...*»

Признаться, другъ Катя, эти строки показались мнѣ такъ странны, что я придумать не могъ, какъ мнѣ на нихъ отвѣчать! Если бы не тѣсная дружба, отъ младенчества насъ связавшая, если бы не всегдашняя снисходительность твоя, снискавшая вполнѣ мою довѣренность—я не рѣшился бы подѣлиться завѣтной тайной моего сердца, первыми порывами *первой*, но—*вѣчной* любви. Не уважить твоего желанія была бы неблагодарность, и я попытаюсь—слышишь, сестра,—*попытаюсь* высказать въ мертвыхъ словахъ мои живыя чувства.

Мы росли вмѣстѣ, и ты знаешь, какимъ свѣтлымъ мечтаніямъ я предавался, рисуя мысленно черты и прелесть женщины моихъ безотчетныхъ грезъ; ты знаешь, какими восторгами пылала душа моя заранѣе для чистаго идеала отроческихъ дней—но ты не знаешь, но ты не можешь понять, какъ жестоко существованность разбила эти надежды, эти сны, какъ страдалъ я, когда безпре-
станные опыты приводили меня къ новымъ обманамъ, и каждая встрѣча отнимала у сердца моего по заблужденію, у души моей по вѣрованію. Я долженъ былъ признаться себѣ, что *воображаемая* была слишкомъ неземная; что мнѣ не найти ея на землѣ—и пламенное изступленіе, для нея приготовленное, замѣнилъ я пошлыми впечатлѣніями, столь же легко забываемыми, какъ сны съ пробужденіемъ. Мнѣ жаль было отдать мое сердце, *все сердце* той, которая не могла его понять. И я дробилъ его на мелкія искры неполныхъ чувствъ. И я оставался равнодушнымъ къ деревенскому кокетству нашихъ сосѣдокъ и къ гордой неприступности Петербургскихъ красавицъ. Никогда голосъ страсти не пробуждалъ моей души, никогда умиленіе не повергало меня въ прахъ передъ милымъ существомъ! Я насильно забиралъ себѣ въ голову двухдневную фантазію—но только для того, чтобы слѣдовать обычаю, чтобы не отставать отъ рѣзвыхъ товарищей моей молодости. Разсудительно и медленно обдумывалъ я свои планы; холодно присту-

палъ къ ихъ исполненію, систематически бралъ кольца, ленты, волосы; спокойно, раскуривая трубку, писалъ письма, дышавшія страстью; получалъ записочки на атласистой бумажкѣ и отправлялъ въ огонь всѣ эти трофеи моихъ шалостей, когда арсеналъ мой ими наполнялся. Но при всемъ этомъ, сердце мое билось такъ же ровно, какъ въ дѣтствѣ за геометрическимъ чертежемъ, и въ моей душѣ было пусто, какъ въ глуши степной...

Однако, что же дѣлало *оно*, это сердце, рожденное для жаркихъ страстей? Чѣмъ жило это воображеніе, тревожное и алчное, привыкшее питаться восторгомъ и мечтами?... О! они не участвовали въ жизни суетностей; они жили въ другой сферѣ—они все болѣе и болѣе жаждали любви и счастья, просили высокихъ чувствъ и высокой цѣли; они томили меня, какъ лишняя ноша; они преслѣдовали меня въ этомъ разсѣянномъ быту, куда я погружался, чтобы заставить ихъ забыться... И въ часы уединенія, по прежнему, вымаливалъ я у непреклонной судьбы исполненія моихъ раннихъ думъ, олицетворенія моихъ юныхъ сновъ! Но нигдѣ, нигдѣ не находилъ я *суженой* для моей взыскательной мечты! Я задумалъ невозможное, искалъ высоко и далеко, и *обыкновенное* меня не удовлетворяло, сердце мое оставалось безъ кумира и я былъ одинокъ....

Одна послѣ другой, женщины мелькали передъ моими глазами, были въ моихъ объятіяхъ, не оставляя по себѣ ни тѣни завѣтнаго воспоминанія, ни минуты сожалѣнія. Чѣмъ болѣе хотѣлъ я совершенствъ, тѣмъ строже судилъ недостатки. Въ одной мнѣ надобла пошлая нѣжность безъ характера и безъ страсти: она любила не *меня*, но любила *кого нибудь*, перваго, приведеннаго къ ней слушаемъ, потому что она думала, будто ей *должно было* любить. Въ другой меня ужасало легкомысленное забвеніе всѣхъ законовъ, всѣхъ святыней, всѣхъ правилъ: она ни одной слезы раскаянія, ни одной борьбы съ совѣстью не принесла мнѣ въ жертву, а мы, мужчины, мы хотимъ дорого стоять женскому сердцу, хотя и немногіе изъ насъ знаютъ цѣну женской преданности. Въ третьей главною причиною забывчивости была пылкость воображенія, безпокойнаго и непостояннаго, а сердце ея всегда отставало отъ головы. Тутъ—умъ безъ сердца, тамъ кокетство и самолюбіе; далѣе... О, далѣе хуже всего—развратъ, холодный, разсчитывающій развратъ, который, забывъ всю стыдливость, всю скромность женщины, подобно намъ, повѣсамъ, приготовляетъ заранѣе свои связи и падаетъ съ сознаниемъ и паденія, и вины!

Вотъ чему научился я съ годами, и вотъ что нашелъ я, преслѣдуя созданіе моихъ думъ! Суди же, какова была моя опытность